

Д-р. А.Ф. СМАЛЯНЧУК

Гродно

ПРОБЛЕМА БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА
В КАТОЛИЧЕСКОМ БОГОСЛУЖЕНИИ В
МИНСКОЙ И ВИЛЕНСКОЙ ДИОЦЕЗИЯХ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX В.

Родной язык стал одним из основных национально определяющих элементов в истории большинства народов Центрально-Восточной Европы XIX–начала XX в. Однако в белорусской истории он не сыграл подобной роли и не превратился в фактор консолидации нации. В этом случае язык оказался признаком не столько национально-культурной принадлежности, сколько социального положения. Одной из причин этого явилось то обстоятельство, что белорусский язык так и не стал языком *sacrum* ни в православной церкви, ни в католическом костёле. Понятно, что он не имел никаких шансов стать языком православного богослужения, как в связи с языковой традицией православья, так и по политическим причинам. Во второй половине XIX в. в Российской империи наблюдалось «срастание» церкви и государства. Но почему же белорусский язык не стал одним из языков католического богослужения?

Для ответа на этот вопрос обратим внимание на политику властей. Проблема реформирования языка католического богослужения на белорусских и литовских землях стала объектом пристального внимания российского правительства сразу же после разгрома восстания 1863 г.* Политику властей в этом вопросе определяло стремление к деполонизации общественно-политической, культурной и религиозной жизни

---

* Ранее белорусский язык не имел никаких шансов на сакрализацию по причине двух запрещений российский властей. В 1848 г. император Николай II запретил использования русского языка в католическом богослужении, что автоматически распространилось на белорусский. А через 11 лет (1859) было запрещено издание белорусской литературы латинской графикой.

земель бывшего ВКЛ, а также отношение к белорусскому языку, как к диалекту («наречио», «поднаречио») русского языка. Последнее особенно проявлялось в позиции центральных властей.

Наиболее реальные попытки языковой деполонизации, а по существу русификации костёла связаны с Указом Александра II от 25 декабря 1869 г. Указ разрешал использование в католическом богослужении русского языка. Этому разрешению предшествовала продолжительная дискуссия в политических, культурных и религиозных верхах русского общества. Причём в общем хоре голосов, обсуждавших все «за» и «против» введения русского языка прозвучал одинокий голос о замене польского языка в дополнительном богослужении сначала латинским языком, а потом «местным белорусским наречием»¹. С предложением выступил один из членов Особой комиссии по делам римско-католического духовенства, которая работала с января 1866 по июль 1868 г. при виленском генерал-губернаторе («Комиссия Стороженко»). Это было одно из первых предложений о введении белорусского языка в католический костёл.

Последствием Указа 1869 г. стала появление на общественной арене Фердинанда Сенчиковского и инициированная им компания по насильственному введению в дополнительное богослужение русского языка². Эта попытка окончилась неудачей, ибо в 1877 г. Ватикан запретил использование русского языка в богослужении. Проблема белорусского языка Ф.Сенчиковским не поднималась, хоть попытки его использования в богослужении и в католических изданиях имели место. Борьба духовенства и верующих против русификации костёла существенно укрепила позиции польского языка, который еще более стал восприниматься на белорусских землях как неотъемлемый атрибут католицизма.

Крах инициативы Ф.Сенчиковского не привёл к отказу от идеи русификации костёла. Он лишь заставил внести определённые коррективы. И первыми это сделали местные власти. С середины 80-х гг. XIX ст. становится всё более очевидным разница в подходах центральных и местных властей к проблеме языка дополнительного богослужения.

¹ Литовский государственный исторический архив (ЛГИА), ф. 378 о/о, 1866, д. 2279, л. 47 об.

² А.Смалянчук, Попытки введения русского языка в католическое богослужение в Минской и Виленской диоцезиях. 60–70-ые гг. XIX в., *LKMA Metrašitis*, t. 20, Vilnius, 2002, с. 141–152.

Местные власти всё чаще выдвигают требование введения белорусского языка, как языка части местного населения. В частности, в 1884 г. генерал-губернатор И.Каханов в меморандуме на имя Александра III предложил на территории генерал-губернаторства разрешать дополнительное богослужение исключительно на латинском, белорусском, литовском, украинском и жемайтском языках. Польский язык в качестве исключения оставался только в Вильне и Гродне³. Своеобразным ответом ему стало решение Комитета министров, который в 1887 г. заявил о приоритете в данном вопросе русского языка⁴.

К идее языковой русификации власти вернулись в начале XX в. Виленский генерал-губернатор А.Фрезе в марте 1905 г. выступил с предложением введения дополнительного богослужения в костёлах на белорусском языке⁵. Обращению предшествовала переписка с губернаторами, в которой А.Фрезе интересовало, считают ли последние желательным «введение в дополнительное римско-католическое богослужение местных наречий в целях деполонизации» и соответствует ли это введение желанию населения». Губернаторы сделали соответствующие запросы уездным предводителям дворянства.

Ответы свидетельствуют об отношении к идее деполонизации костёла представителей власти уездного уровня. Единство в позиции уездных предводителей дворянства отсутствовало. Трое из девяти – Кобринский, Бельский и Волковысский – высказались категорически против введения белорусского языка. Четверо – Брестский, Слонимский, Белостокский и Гродненский – поддержали предложение в принципе, но заявили, что его реализация по разным причинам невозможна. Только двое – Пружанский и Сокольский – высказались за осуществление реформы. Причём последний заявил, что ввести белорусский язык необходимо не только в католическое, но и в православное богослужение, ибо это тоже отвечает желанию населения⁶.

Следует обратить внимание на позицию Белостокского предводителя Михаила Ерогина, в будущем одного из наиболее ярких представителей великорусских националистов в III Думе. Он признавал необ-

³ V. Merkys, *Politinė baltarusių kalbos Vilniaus vyskupijos bažnyčiose problema (1884–1915 m.)*, *Lituanistica*, 2003, Nr. 1 (53), c. 9.

⁴ Там же, с. 10.

⁵ ЛГИА, ф. 378, о/о 1906, д. 4112, л. 4.

⁶ Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ) в Гродно, ф.1, оп. 18, д. 1031, л. 13.

ходимым введение белорусского языка только в том случае, если это будет частью общей политики русификации. М.Ерогин, в частности, предлагал ввести белорусский язык и историю края в учебную программу народных школ. Эта и другие, предлагаемые им меры, должны были способствовать вытеснению из обихода польского языка. Но это был только первый этап преобразований. «В дальнейшем, – заявлял М.Ерогин, – уже совершенно естественным порядком должен быть переход к чисто русскому языку, которым будет вытиснуто малокультурное белорусское наречие, обречённое, очевидно, на вымирание»⁷. Белостокский предводитель, фактически, проговорил то, что составляло сущность многочисленных заявлений представителей центральной российской администрации о необходимости «развивать белорусское национальное самосознание».

Центральные власти проигнорировали предложение виленского генерал-губернатора. Но массовый переход из православия в католицизм, который последовал за Указом от 17 апреля 1905 г., заставил их вернуться к предложению А.Фрезе. В 1906 г. о «располячении» костёла заговорил глава правительства Пётр Столыпин. В его переписке с виленским генерал-губернатором также стал фигурировать белорусский язык⁸. Однако П.Столыпин под «белорусизацией» дополнительного имел ввиду его немедленную русификацию. Аналогичную позицию заняли члены Комиссии по законодательным инициативам III Думы, которые высказались за введение русского языка в приходах с «русским населением», где на самом деле проживали белорусы.

В циркуляре Министерства народного просвещения от 27 октября 1912 г., которым вводился новый порядок определения родного языка учащихся, рекомендовалось осуществлять преподавание Закона Божия неправославных конфессий на родном языке учащихся, а именно, «белорусам на русском языке, литовцам на литовском, полякам на польском» и т.д.

В 1914 г. в *Докладной записке о мерах, могущих укрепить национальное самосознание белорусов и противодействовать их полонизации* минский губернатор Гирс предлагал целый комплекс мер по «располячению» костёла, которые должны были завершиться введением в дополнительное богослужение на литовских и белорусских землях литовского и русского языков⁹.

⁷ Там же, с. 11 об.

⁸ ЛГИА, ф. 378, о/о 1906, д. 4112, л. 5–10.

⁹ Докладная записка о мерах, могущих укрепить национальное самосознание белорусов и противодействовать их полонизации Минского губернатора Гирса [Минск], [1914].

Можно утверждать, что в начале XX в. российские власти, как центральные так и местные, говоря о белорусском языке на самом деле стремились к русификации католического богослужения. Разница между ними заключалась только в том, что «на местах» «белорусизация» богослужения воспринималась как переходное звено к введению русского языка, а «в центре» – она была лишь демагогическим прикрытием немедленной русификации.

Серьёзных последствий заявления П.Столыпина и Гирса не имели. Во-первых, никто не отменял Указа от 17 апреля 1905 г., который давал католическому духовенству определённую свободу действий. Во-вторых, вновь своё негативное отношение к введению русского языка высказал Ватикан. В июне 1907 г. кардинал Мерри дель Валь направил письмо виленскому епископу, в котором заявил, что дополнительное богослужение может проходить на белорусском и украинском языках¹⁰.

Стремление властей к деполонизации костёла давало белорусам не столько шанс на сакрализацию белорусского языка, сколько видимость шанса. На самом деле во второй половине XIX политика деполонизации оборачивалась откровенной русификацией белорусского населения. Тем не менее актуальным остаётся вопрос о том, могли ли деятели белорусского движения использовать в своих интересах заявления российских чиновников разного ранга о необходимости «белорусизации» костёла? Учитывая особенности позиции местных властей, которые смотрели на белорусский язык как на переходное звено, ответ на поставленный вопрос не кажется однозначно негативным.

В белорусской историографии укоренилось мнение, что во второй половине XIX в. католический костёл в Беларуси стал оплотом польскости, чему способствовало обострение польско-русской борьбы за земли бывшей Речи Посполитой. Категоричность данного тезиса опровергается даже поверхностным анализом позиции местных католических иерархов. Опираясь на стремление Ватикана расширять территорию своего влияния на востоке Европы, руководители костёла на белорусских землях проявляли определённую заинтересованность в функционировании белорусского языка в костёле.

В конце XIX в. Могилёвский архиепископ Альбин Симон предложил перевести дополнительное богослужения в местностях, населен-

---

¹⁰ V.Merkys, *Politinė baltarusių kalbos Vilniaus vyskupijos bažnyčiose problema (1884–1915 m.)*, *Lituanistica*, 2003, Nr. 1 (53), c. 18.

ных белорусами, на белорусский язык. Это предложение нашло поддержку Ватикана. В письме кардинала Рамполи (8 мая 1897 г.) разрешилось использовать в дополнительном богослужении и в проповедях белорусский язык там, где на этом языке разговаривают прихожане («ubi dialectus alborusica a populo adhibetur»)¹¹. Однако это разрешение так и не было реализовано. Центральные власти решили под видом белорусского ввести русский язык, чему воспротивился архиепископ. Всё закончилось его высылкой в Одессу.

В начале XX в. администратор Могилёвской архидиоцезии Станислав Данисевич поощрял издание религиозной литературы на белорусском языке и сам был цензором *Karotkaga katechizma* (1907) и *Karotkaj Historyji Swiatoj* (1914). Он же поддержал издание в Санкт-Петербурге (1906) *Elementarza dla dobrych dzieciok katolikou**. Белорусский религиозный деятель, политик и историк ксёндз Адам Станкевич позднее отмечал расположенность С.Данисевича к идее функционирования белорусского языка в костёле для расширения его влияния среди белорусов. По его же сведениям, во время визита в архидиоцезию С.Данисевич не только приказывал ксёндзам читать проповеди по-белорусски, но и сам это делал¹². Известно, что в Петербургской Духовной академии в 1912 г. возник белорусский кружок, который через 2 года насчитывал уже около 70 чел. и имел большую белорусскую библиотеку. Годом ранее аналогичный кружок появился в Виленской католической семинарии¹³.

В 1905 г. о необходимости использовать белорусский язык заговорил виленский епископ Эдвард фон дер Ропп. Используя либерализацию российской политики на начальной стадии революции 1905–1907 гг., он отдал следующее распоряжение: «Молитвы, катехизис, священную историю и историю костёла преподавать на том языке, на котором дети молятся в своём доме, т.е. на польском и литовском, детям, которые разговаривают по-белорусски разрешаю изучать религию в начальных классах также по-белорусски»¹⁴. Этому распоряжению способствовало заседание специальной комиссии Виленской диоцезии по

---

¹¹ L. Wasilewski, *Litwa i Białoruś*, Kraków, 1914, с. 289; Л.Гарошка, Пад знакам «рускае і польскае веры», *Спадчына*, 2000, № 1, с. 144.

* Это было переиздание *Elementarza* 1862 г.

¹² A. Stankiewicz, *Rodnaja mowa ŭ światyniach*, Wilnia, 1929, с. 74–75.

¹³ Л.Гарошка, Пад знакам «рускае і польскае веры», *Спадчына*, 2000, № 1, с. 143.

¹⁴ *Kurier litewski*, 1905, Nr. 4.

вопросу о языке катехизации. Комиссия предложила поляков учить польски, литовцев – по-литовски, а белорусов учить молитвам польски, а священной истории, истории костёла и катехизису – по-белорусски¹⁵.

Э.Ропп был одним из первых католических иерархов на белорусских землях, который признал право белорусского языка быть языком богослужения. Направляя представителей духовенства в Комиссию по обсуждению вопроса о языках при виленском генерал-губернаторе, епископ обратил внимание на национально-культурные интересы белорусов и рекомендовал «при объяснении детям истин веры <...> использовать тот язык, на котором они говорят в своём доме, т.е. – белорусский». Он же считал необходимым участие духовенства в создании литературного белорусского языка¹⁶.

Осенью 1907 г. епископ Ропп был выслан властями из Вильно. Его возвращение произошло только весной 1917 г. Одним из первых документов стало пастырское послание по проблеме белорусского языка в Виленской диоцезии. Отношение к белорусскому языку не изменилось. Он по-прежнему выступал за чтение проповедей на белорусском языке¹⁷. Уже в качестве моголиевского архиепископа летом 1917 г. во время визитации Восточной Беларуси Э.Ропп предлагал духовенству обращаться к народу на его родном языке. Во многих приходах Моголиевской и Витебской губ. дополнительное богослужение в присутствии архиепископа велось по-белорусски. Сторонником использования белорусского языка в католическом богослужении, как утверждает А.Станкевич, был также ковенский епископ Каревич, который занял эту должность в 1914 г.¹⁸

Несколько иную позицию занимал администратор Виленской диоцезии Казимир Михалькевич (1907–1917). Он возглавил диоцезию в момент обострения польско-литовских отношений, в т.ч. и в связи с вопросом о языке дополнительного богослужения в смешанных польско-литовских парафиях.

Ему также пришлось реагировать на официальные требования властей о введении белорусского языка. В этом вопросе администратор

¹⁵ Kurier litewski, 1905, Nr. 1.

¹⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 821, оп. 3, д. 1020, л. 153–153 об.

¹⁷ Гоман, 1918, № 83.

¹⁸ A.Stankiewicz, Rodnaja mowa ŭ ŭświatyniach, Wilnia, 1929, с. 87–88.

занял жёсткую позицию. 21 апреля 1912 г. в ответ на письмо директора Департамента иностранных исповеданий он заявил: «О белорусском языке в данном случае <...> и речи быть не может, так как язык этот не введён ни в школе, ни в местных административных и судебных учреждениях, ни даже в православной церкви, к которой как известно принадлежит преобладающее число белорусов. И тут непонятным является почему именно одно лишь римско-католическое духовенство должно идти вопреки очевидным стремлениям правительства. Для того, чтобы белорусский язык смог в будущем войти в употребление в римско-католических костёлах, необходимо прежде всего допустить его в школу, хотя бы первоначальную, и т.о. культивировать самый язык и подготовить будущих тружеников на этом поприще, которых в настоящее время к сожалению нет <...>»¹⁹ К. Михалькевич также обращал внимание на отсутствие достаточного количества католической литературы на белорусском языке.

Тем не менее в январе 1911 г., отвечая на вопрос о языке преподавания Закона Божия в ситуации многонационального состава учащихся, К. Михалькевич всё же допускал преподавание на белорусском языке как языке известном всем учащимся²⁰.

Как же относилось к белорусскому языку парафиальное духовенство?

Адам Станкевич в книге «Rodnaja mowa u swiatyniach» (Вильно, 1929) привёл ряд фактов употребления парафиальным духовенством белорусского языка. В частности, он упомянул издание в 1862 г. в Варшаве белорусскоязычного «Elementarza dla dobrych dzieciak katolikau». В 1866 г. группа ксендзов-белорусов из Могилёвщины и Витебщины обратилась к властям с просьбой разрешить перевод на белорусский язык ряда популярных проповедей, что, кстати, власти не разрешили. Белорусским языком при чтении проповедей пользовалось духовенство ряда приходов Витебской губ. в 60–70-е гг. XIX в., его широко использовали ксендзы, которые официально перешли на русский язык в период кампании Ф. Сенчиковского и др.²¹ Можно привести ещё ряд фактов использования белорусского языка, но они останутся только эпизодами конфессиональной истории XIX в.

В начале XX в. появилась группа ксендзов, которые активно поддерживали белорусское национальное движение – А. Астромович,

¹⁹ НИАБ в Гродно, ф. 490, оп. 1, д. 14. л. 78.

²⁰ Там же, с. 98 об.

²¹ A. Stankiewicz, Rodnaja mowa u swiatyniach, Wilnia, 1929, с. 62–67.

Ф.Будька, К.Стэпович, З.Якуць, Ф.Абрантович, В.Гадлевский, В.Шутович, П.Татариневич, А.Цикота, Ю.Решец, И.Тарасевич и др. Особо следует отметить деятельность ксендза Франтишка Будьки, который переводил на белорусский язык популярную католическую литературу. Он был одним из основателей еженедельной католической газеты «Biełarus» (1913–1915), которая сыграла заметную роль в развитии национального сознания белорусов-католиков и активно пропагандировала идею введения белорусского языка в католическое богослужение. Активная пропагандистская деятельность принесла свои плоды. В начале 1917 г. в Минске был основан Союз ксендзов-белорусов, в составе около 200-г чел.²²

Однако большинство представителей приходского духовенства заняло иную позицию. Она в большей степени соответствовала идеологии Партии национальных демократов Романа Дмовского нежели взглядам Э.Ропша или С.Данисевича. В частности, многие представители духовенства настойчиво искали возможность расширить влияние польского языка. Например, 12 января 1906 г. на собрании ксендзов Гродненского деканата было решено систематизировать работу по образованию и просвещению населения. Планировалось открытие в деревнях католических школ с польским языком обучения и обеспечение их польской религиозной литературой и учебниками²³.

«Поляк» и «католик» становились синонимичными понятиями. Осенью 1905 г. в Виленской диоцезии распространялась листовка «К братьям католикам!», подписанная словом «ксендз». В ней утверждалось, что российские власти стали называть «простой» язык «белорусским», а местных поляков «белорусами» только с целью русификации костёла. Автор призывал не допускать в молитвах и в костёле иного языка кроме польского, потому что это неизбежно приведёт к утрате польскости и святой римско-католической веры. Он настаивал, чтобы на вопрос о языке все единодушно отвечали, что являются поляками, а их родной язык – польский и т.д. и т.п.²⁴

Архивы сохранили ещё один характерный документ – объяснение белорусских крестьян одной из деревень Сокольского уезда, почему они просят разрешить изучение Закона Божия на польском языке.

²² В.Мазец, Толькі родная мова магла зрабіць зразумелымі пропаведзі і малітвы, *Голас Радзімы ад 4 сакавіка*, 1993 г., № 9.

²³ *Kurier litewski*, 1906, Nr. 12.

²⁴ ЛГИА, ф. 378 о/о, 1906, д. 4112, л. 11.

Крестьяне утверждали, что, если разрешение не будет дано, то ксендзы снова не разрешат детям ходить в школу или же потребуют открытия польскоязычной школы. «Они и так, – жаловались крестьяне, – говорят нам, что в училищах Сокольского уезда не вводится изучение польского языка и Закона Божьего на польском языке только потому, что мы до этого времени не оставили своего, как они говорят, «скотского языка». А между тем этот язык нам мил и дорог, потому что на нём разговаривали наши родители и предки»²⁵.

Очевидно, что позиция иерархов католического костёла на белорусских и литовских землях существенно отличалась от позиции большинства представителей приходского духовенства. Архиепископы и епископы в большей степени были проводниками политики Ватикана, который стремился расширить влияние католического костёла на востоке Европы. Использование родного языка населения должно было способствовать этому. А вот политизация костёла как раз препятствовала этим планам. Неслучайно К. Михалькевич в упомянутом циркуляре от 25 апреля 1911 г. заявлял, что «<...> костёл и паствырство раз навсёгда должны быць ізаляваны ад палітычных, нацыянальных і асобных цэлей»²⁶.

Понятно, что при всём желании достичь подобной цели в период обострения политической борьбы и оживления национальных движений было невозможно. Приходское духовенство оказалось втянутым в национальные и социальные конфликты. Его большинство сочло своим долгом защищать польские традиции, которые отождествлялись с традициями католическими. Лишь отдельные представители духовенства пытались отстаивать интересы формирующейся белорусской нации.

Однако неприятие белорусского языка большинством католического приходского духовенства нельзя объяснять исключительно политическими, национальными и культурными симпатиями последнего. Существовало еще одно объективное препятствие на пути немедленного введения белорусского языка в католическое богослужение. Имелся ввиду уровень развития самого языка. В начале XX в. белорусский язык развивался очень быстро. За несколько лет он пережил целую эпоху и вступил в стадию выработки его литературного варианта. Од-

²⁵ НИАРБ в Гродно, ф. 1, оп. 18, д. 1099.

²⁶ НИАРБ в Гродно, ф. 490, оп. 1, д. 14, л. 82.

нако существовали серьезные проблемы с концептуализацией понятий, которые отражали духовную жизнь человека. Нужно признать, что состояние белорусского литературного языка в начале XX в. не способствовало его введению в католическое богослужение. Именно поэтому сторонник введения белорусского языка в костел епископ Эдвард Ропш летом 1905 г. обратился к духовенству с предложением «принять участие в создании общего по возможности всем понятного белорусского языка»²⁷.

Актуальным остаётся вопрос, при каких обстоятельствах инициатива введения белорусского языка в богослужение могла бы получить поддержку значительной части католического клира?

В соответствии с периодизацией Мирослава Гроха, во второй половине XIX в. белорусское национальное движение находилось на стадии «Б» (культурной), для которой характерно распространение языка негосударственной нации в области образования и культуры, появление национальной периодической печати. В белорусском варианте эта стадия ограничилась только развитием литературы. Тем не менее проблема сохранения и развития белорусского языка в этот период стала актуальной по меньшей мере для идеологов национального движения.

Однако еще во второй половине XIX в. в зарождающемся белорусском национальном движении отсутствовало требование введения родного языка в католическое богослужение. В публикациях белорусских народников 80-х гг. XIX в. лишь подчёркивалось, что белорусы имеют особый язык, который «со временем может получить такое же право на гражданство, как и язык малоросский»²⁸. Франтишек Богушевич в предисловии к сборнику стихов «Дудка беларуская» (Краков, 1891) назвал белорусский язык «святым», который дан белорусам самим Господом²⁹. Однако и он не упоминал о необходимости сакрализации белорусского языка. Это положение отсутствовало также в программе Белорусской социалистической Громады – первой национальной политической партии. Только в период революции 1905–1907 гг. в белорусском национальном движении постепенно вырабатывается требование функ-

²⁷ Российский Государственный исторический архив (РГИА), ф. 821, воп. 3, ад. з. 1020, арк. 153 адв.

²⁸ Гомон, 1884, № 2, Публицистика белорусских народников, Сост. С.Александрович, И.Александрович, Минск, 1983, с. 114–115.

²⁹ История Беларуси в документах и материалах, Сост. И.Кузнецов, В.Мазец. Минск, 2000, с. 217.

ционирования белорусского языка в католическом богослужении. Возможно, определённое влияние на его появление оказали циркуляры виленского епископа Эдварда Роппа. Как требование собственно белорусского движения это положение оформляется на страницах «Нашей Нивы». О нём, в частности, упоминает Александр Власов в редакционной статье № 17 от 15 августа 1908 г.

Представители «западноруссизма», которые главную опасность видели в польском экспансионизме и воспринимали белорусов, как часть русской нации, были противниками введения белорусского языка в костёл и выступали за русификацию последнего³⁰.

Столь позднее оформление идеи сакрализации родного языка, возможно, обусловлено аналогичными заявлениями представителей российской администрации, за которыми скрывались стремления русификаторов. В конце концов «Наша Нива» весной 1911 г. следующим образом отреагировала на эти заявления: «Белорусский народ хочет освободиться от польскости, но не для того, чтобы попасть под вашу опеку. Прослав сотни лет под господством польской культуры, он хочет теперь стать самим собой <...> Чтобы расползчатить костёл, нужно помочь белорусам ввести в нём белорусский язык и не вводить русского»³¹.

О вреде правительственных попыток насильственной русификации языка католического богослужения писал Антон Луцкевич в статье *Итоги и перспективы «национальной» политики в Белоруссии* (1911). По мнению автора, который напомнил о результатах русификационной аферы Ф.Сенчиковского, полонизация белорусов-католиков, при помощи костела, прямо пропорциональна правительственному давлению на католическое духовенство³².

Борьба за введение белорусского языка в костел стала одним из приоритетов еженедельника «*Więlarus*», который начал издаваться в Вильне в январе 1913 г. (Редактор А.Бычковский, а с № 5 за 1914 г. – Б.Пачопка). В программной статье первого номера редакция обещала, што «будет всегда стоять на христианско-католической почве, защищая дело христианское и белорусское», уважая другие народы и ве-

³⁰ А.Цьвікевіч, «Западно-русизм». Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і ў пачатку XX ст. Менск, 1993, с. 318.

³¹ Наша Нива, 1911, № 20.

³² А.Навина, Итоги и перспективы «национальной» политики в Белоруссии, *Речь*, 1911, № 147.

роисповедания³³. Это обещание редакция сдержала. Призывая белорусско-католиков развивать национальное самосознание, газета активно пропагандировала идею введения белорусского языка в костел в качестве языка проповедей и дадаткового богослужения. При этом авторы публикаций советовали проводить языковую реформу мирно и постепенно, чтобы избежать споров и конфликтов³⁴.

На страницах русскоязычной «Вечерней газеты», которую в тайне от русской общественности Вильно, издавали братья Луцкевичи, в поддержку требования постепенной белорусизации католического богослужения выступил Мечислав Бобровиц. По его мнению, подобная реформа станет надежной преградой на пути полонизации белорусского католического населения. Однако автор подчеркивал, что в своей борьбе за родной язык в костеле белорусы имеют двух противников. Кроме сопротивления пропольски настроенной части клира им придется преодолевать сопротивление российских властей, которые будто бы стремятся к деполонизации костела, но при этом не признают самое существование белорусского языка³⁵.

В программе белорусской политической организации требование функционирования белорусского языка в католическом богослужении появилось только в начале 1917 г. Решения мартовского (1917 г.) съезда белорусских организаций предусматривали добиваться введения в католические и православные семинарии белорусского языка, литературы и истории края. А одним из первых документов, соданного на мартовском съезде Белорусского Национального Комитета, стало обращение к Могилёвскому архиепископу с предложением «напомнить всему духовенству Беларуси его обязанность: насколько хватает сил и возможностей обучать вере в костёле и школе по-белорусски»; «все обращения высшего духовенства читать в костёлах в том числе и по-белорусски»; «поручить духовенству организовать издание белорусской религиозной литературы и белорусского католического журнала <...>»³⁶

Положение о введении белорусского языка в католическое богослужение стало одним из основных в программе партии Белорусских христианских демократов, организационный съезд которых состоялся в мае 1917 г.

³³ *Biélarus*, 1913, № 1.

³⁴ Р.Кляноўіч, Голас справядлівасці, *Biélarus*, 1914, № 13; Б.Пачобка, У роднай мове, *Biélarus*, 1915, № 23–24; *Biélarus*, 1915, № 29–30.

³⁵ Бо-виць [Бабровіч М.], Борьба за родной язык, *Вечерняя газета*, 1914, № 552.

³⁶ Гоман, 1917, № 39.

Однако очевидно, что требование сакрализации белорусского языка в программе национального движения появилось очень поздно, в т.ч. и в сравнении с национальными движениями других т.н. «молодых наций». Пока остаётся без ответа вопрос о том, почему деятели белорусского движения, которые, кстати говоря, в своём большинстве принадлежали к римско-католическому костёлу не придавали первоочередного значения идее функционирования родного языка в католическом богослужении?

Что же касается отношения белорусского католического населения к этой проблеме, то сохранившиеся свидетельства передают довольно неоднозначную картину. Хотя очевидно, что это отношение в значительной степени определялось позицией приходского духовенства.

Самые ранние свидетельства принадлежат представителям той части католического духовенства, которая выступала против языковой реформы костёла. Они практически единодушны в утверждении, что верующие не желают перемен и протестуют против введения белорусского языка. В частности, К. Михалькевич, отвечая на упомянутое письмо директора Департамента инославных исповеданий, заявил, что «народ этого (введения белорусского языка – А.С.) не желает и не допустит, а всякое вмешательство и насильственное навязывание белорусского языка в костёлах вызовет лишь волнение и смуту в народе и кончится тем, чем кончилась в 70-е гг. попытка введения русского языка при Сенчиковском, Жилинском и др.»³⁷

Подобное мнение высказывали многие представители местной польской интеллигенции. В частности, публицист, поэт и журналист Чеслав Янковский в 1906 г. утверждал, что все белорусское движение инспирировано администрацией, чтобы подорвать польские позиции в Беларуси и Литве. Сами белорусские крестьяне, по его убеждению, не желают слышать в костёле свой «простой» язык: «Молятся по-польски, слушают слова Божие по-польски. Так было во времена Ягайлы, так должно быть и теперь»³⁸.

Предводитель дворянства Волковысского у. осенью 1905 г. отмечал, что католики привыкли к польскому языку и иного не желают. Ему вторил коллега из Белостока, утверждая, что белорусы-католики всеми силами стремятся обучить детей польскому языку. Предводитель дво-

³⁷ НИАБ в Гродно, ф. 490, оп. 1, д. 14, л. 78.

³⁸ Kurier litewski, 1906, Nr. 2.

рянства Гродненского у. также утверждал, что слова «поляк» и «католик» стали синонимами. «Говоря у себя дома, на сходах и кирмашах, писал предводитель, – на своём родном белорусском языке, он (белорусский крестьянин – А.С.) его называет «холопским» языком в отличие от «панского» – польского языка. Скрижали истории для него темны и причину этого различия в «мове» он видит в разнице положения пана и хлопа. Но в костёле, перед Богом, все равны и белорус молится по-пански, т.е. по-польски, выходя же из костёла в своей кампании уснащает родной язык грубыми, тяжеловесными полонизмами, прибегая к ним и в гостях из желания щегольнуть и приблизиться к шляхетскому говору»³⁹. Только предводитель из Сокольского у. однозначно утверждал, что введение белорусского языка в костёл и в православную церковь полностью отвечает желанию населения⁴⁰.

Неприятие родного языка как «холопского» распространилось довольно широко. Как отмечал белорусский публицист и драматург начала XX в. Казимир Костровицкий, белорусы привыкли смотреть на себя, на свою культуру и свой язык глазами тех, кто преследовал, запрещал и высмеивал все проявления белорусской культуры⁴¹. Этому отношению очень сложно было противостоять. Требовалась кропотливая работа на протяжении долгого периода.

Определённые перемены стали происходить в последнее десятилетие истории империи. Как уже отмечалось, в 1906 г. белорусские крестьяне Сокольского пав., объясняя властям причину просьбы о введении польскоязычного изучения катехизиса, признавались в любви к родному белорусскому языку⁴². По информации деятелей белорусского движения и ксендзов-белорусов использование белорусского языка в католическом богослужении вызывало радость белорусов-католиков. Об этом много писал ксёндз Адам Станкевич. В частности, он сообщил о хорошем приёме белорусскоязычных проповедей во время визитации белорусских костёлов Могилёвским архиепископом С.Данисевичем в 1909 г.⁴³ В 1917 г. во время визитации Восточной Беларуси архиепископом Э.Роппом А.Станкевич сам выступал с проповедями на белорусском языке. Вот как он описывает впечатление, произведённое та-

³⁹ Там же, Ф. 1, оп. 18, д. 1031, л. 24–24 об.

⁴⁰ Там же, л. 13–13 об.

⁴¹ Наша Ніва, 1906, № 17.

⁴² НИАРБ в Гродно, ф. 1, оп. 18, д. 1099.

⁴³ A.Stankiewicz, *Rodnaja mowa..*, с. 72.

кой проповедью: «Услыхав слова на родном языке, ранее презиравом, лица слушателей оживились и прояснились. Установилась абсолютная тишина. Каждое слова, казалось, проглатывалось слушателями живьём. Моё сердечное волнение быстро передалось всем собравшимся в костёле людям и немую тишину сменил ничем не сдерживаемый громкий плач. Слёзы лились многоводным ручьём. Это были слёзы радости и счастья из очей бедного подневольного белоруса <...>»⁴⁴

В 1916 г. на страницах «Гомана» начали появляться письма читателей, которые возмущались позицией К. Михалькевича, не желающего, по их мнению, назначать наставников Закона Божия в белорусские начальные школы⁴⁵, и требовали организации богослужения на белорусском языке⁴⁶.

Перемены в отношении части белорусского католического населения к использованию родного языка в костеле очевидны, однако для большинства верующих белорусский язык не являлся ценностью самой в себе и не воспринимался как национальное богатство.

Таким образом, только в начале XX в. (после революции 1905–1907 гг.) идея сакрализации белорусского языка стала требованием деятелей белорусского национального движения, в т.ч. представителей белорусского католического духовенства. Наконец, пришло понимание того, что укрепление социального престижа родного языка является важным фактором распространения белорусской национальной идеи. В условиях официального непризнания белорусского языка со стороны российской политической и культурной элиты и отсутствия белорусскоязычного образования именно сакрализация языка могла придать этому процессу резкое ускорение.

Понимание важности языковой проблемы касалось преимущественно элиты. Основная масса белорусов-католиков даже в последнее десятилетие Российской империи не ощущала острой потребности в сакрализации родного языка. В большой степени это объясняется тем, что только отдельные представители приходского духовенства поддерживали введение белорусского языка в костел. Большинство по мере обострения политической борьбы и активизации национальных процессов превратило костел в Беларуси в оплот польских национальных интересов.

---

⁴⁴ Там же, s. 100.

⁴⁵ Гоман, 1916, № 23.

⁴⁶ Гоман, 1916, № 24.

В течение второй половины XIX–начала XX в. многие виленские епископы и архиепископы позитивно отнеслись к идее функционирования белорусского языка в католическом богослужении, тем более, что она получила официальное одобрение Ватикана. Именно позиция иерархов католического костела, а не «пробелорусские» заявления отдельных правительственных чиновников давали определенный шанс сакрализации родного языка. Однако уровень его развития и относительная слабость белорусского национального движения, в котором довольно поздно распространилось понимание необходимости сакрализации языка не позволили использовать этот шанс.

Нерешенность проблемы сакрализации не позволила поднять престиж родного языка. Он так и не стал фактором консолидации белорусской нации. Эта национально-культурная неудача имела непосредственное отношение к политическому поражению проекта белорусской национальной государственности в начале XX в.

BALTARUSIŲ KALBOS PROBLEMA KATALIKŲ PAMALDOSE MINSKO IR VILNIAUS VYSKUPIJOSE XIX a. antrojoje pusėje–XX a. pradžioje

A.Smaliančiuk

Santrauka

Baltarusių kalbos sakralizacijos idėja, pasirinkus jos įvedimo į katalikų pamaldas kelią, tik XX a. pradžioje tapo baltarusių tautinio judėjimo reikalavimu. Kadangi oficialiai Rusijos imperijos politinis ir kultūrinis elitas baltarusių kalbos nepripažino ir nebuvo švietimo baltarusių kalba, kalbos sakralizacija galėjo pagreitinti baltarusių tautinės idėjos išplitimo procesus.

Kalbinės problemos svarbumo supratimas daugiausia lietė elitą. Dauguma baltarusių katalikų netgi ir paskutiniaisiais Rusijos imperijos egzistavimo dešimtmečiais neįtūrė poreikio sakralizuoti gimtąją kalbą. Labiausiai tai paaiškinama tuo, kad tik pavieniai parapijų dvasininkai palaikė siekį įvesti baltarusių kalbą į bažnyčią. Paštrėjus politinei kovai ir suaktyvėjus tautiniams procesams dauguma kunigų pavertė bažnyčias Baltarusijoje lenkų tautinių interesų atrama.

XIX a. II pusės–XX a. pradžios laikotarpiu Vilniaus vyskupai (E.Ropp, S.Danisevičius ir kt.) pritarė baltarusių kalbos funkcionavimo katalikų pamaldose idėjai, juo labiau kad tai sulaukė oficialaus Vatikano patvirtinimo. Būtent Katalikų Bažnyčios hierarchų pozicija, o ne esą „probaltarusiški“ atskirų valdžios pareigūnų pareiškimai davė tam tikrą galimybę baltarusių kalbos sakralizavimui. Tačiau jos pažangos lygis ir silpnokas baltarusių tautinis judėjimas sukliudė pasinaudoti šia galimybe.

Neišsprendus sakralizacijos problemos buvo neįmanoma pakelti ir gimtosios kalbos prestižo. Ji taip ir netapo baltarusių tautos konsolidacijos faktoriumi. Ši tautinė kultūrinė nesėkmė turėjo tiesioginę įtaką baltarusių tautinio valstybingumo (Baltarusijos Liaudies Respublika) projekto XX a. pradžioje politiniam pralaimėjimui.

THE PROBLEM OF THE BELARUS LANGUAGE IN CATHOLIC
MASSES IN THE DIOCESES OF MINSK AND VILNIUS
in the Second Half of the 19th C. – beginning of 20th C.

A.Smalanchuk

Summary

The idea of the sacralization of the Belarus language, after choosing the path of its introduction into Catholic Masses, became a requirement of the Belarusian national movement only at the start of the 20th c. Because the political and cultural elite of the Russian Empire did not officially recognize the Belarusian language and there was no education in the Belarus language, the sacralization of the language could have speeded up the processes of spreading the idea of a Belarus nation.

The understanding of the importance of the language problem affected the elite the most. The greater part of the Belarusian Catholics even in the last decades of the existence of the Russian Empire did not feel the need to sacralize their native language. This is most easily explained by the fact that only individual parish priests supported the goal to introduce the Belarusian language into the church. After the political struggle became more sharp and the national processes became more active a majority of the priests turned the churches in Belarus into a support for Polish national interests.

In the second half of the 19th c. – beginning of the 20th c. Bishops of Vilnius (E.Ropp, S.Danisevich and others) supported the idea of using the Belarus language during Catholic masses, especially as this had obtained the official approval of the Vatican. Namely the position of the hierarchs of the Catholic Church and not the so-called “pro-Belarus” statements by individual state officials provided the real possibility for the sacralization of the Belarus language. However, the level of this progress and the weak national movement of the Belarusians impeded the use of this possibility.

Without solving the sacralization problem it was also impossible to raise the prestige of the native language. It thus did not become a factor in the consolidation of the Belarus nation. This national cultural failure had a direct influence on the political failure of the project for Belarus national statehood (Belarus People’s Republic) at the beginning of the 20th c.